

Машина быстро спустилась по горной дороге к подножию. Раскинувшаяся между двух гор долина встретила их лужайкой вдоль шоссе, где стояло несколько казахских юрт. По другую сторону лужайки текла речушка — ледяная, чистая, рождённая талыми водами.

Они припарковались у обочины и направились к юртам.

Их тут же встретила молодая казашка, бойко, хоть и с акцентом, заговорившая по-китайски. Лю Юн и Чжоу Цимин казахского не знали, но язык этот относился к тюркской группе и был близок, например, к уйгурскому. Они поздоровались на уйгурском, обменявшись парой тактичных шуток.

Все трое были в гражданском и держались скромно — смотрелись интеллигентно, вызывая уважение.

Чжоу Цимин отправился к хозяину торговаться насчёт половинки барашка. Лю Юн же проводил Лин Цыханя в юрту и усадил у печки. На печи стоял большой чайник, из которого валил пар. Лю Юн приподнял крышку и обрадовался:

— Ха, молочный чай! — и тут же принялся искать, во что бы его налить.

Чашек или пиал в юрте не оказалось.

— Заместитель Лин, подожди тут, — сказал он и выскочил наружу.

Лин Цыхань улыбался, греясь у огня и оглядывая убранство. Это была типичная казахская юрта, без лишних украшений. Внутри царил полумрак — лишь одна тусклая лампочка висела под потолком. Вдоль стены тянулся широкий канг, покрытый пёстрым шерстяным ковром. На стенах висели ещё ковры, кое-где — одежда, тибетейки, создавая густой, самобытный колорит.

Вдруг позади юрты раздалось фыркание лошади, окончательно завершая картину.

Здесь, в этой юрте, словно полностью оторванной от высокотехнологичного мира, Лин Цыхань ощутил себя перенесённым в средние века, ставшим частью кочевого племени. Он откинулся на низкой спинке стула, чувствуя себя уютно.

Вскоре вернулся оживлённый Лю Юн в сопровождении той самой казашки. Та несла несколько старомодных эмалированных кружек. Лю Юн взял у неё большую кружку, одну передал Лин Цыханю, другую оставил себе. Девушка подняла с печи чайник и налила им обжигающего молочного чая.

Лин Цыхань сказал по-казахски:

— Рахмет. — Произношение было безупречным, как у коренного казаха.

Девушка слегка удивилась, но тут же улыбнулась и весело ответила:

— Окей.

Налив чай, она поставила чайник обратно на печь и вышла.

Лю Юн уселся, отхлебнул из кружки и с хитрой улыбкой сказал:

— Белый волк читает проповеди, заставляя камни кивать.

Лин Цзыхань едва не рассмеялся — столь витиеватое выражение было не всякому понятно.

— И хозяин уже кивает? — спросил он.

Лю Юн усмехнулся:

— Кажется, уже склоняется.

— Командир Чжоу и впрямь речист, — сказал Лин Цзыхань, сделав глоток чая. Напиток согрел изнутри, оставив приятное послевкусие. Он отхлебнул ещё, чувствуя, как тепло разливается по телу.

Лю Юн чуть не расплескал чай от смеха:

— Он просто уговаривает его, говорит, вторую половину барашка мы заберём через пару дней.

Лин Цзыхань тоже рассмеялся:

— И они верят?

— Не знаю, верят ли, но делают вид, будто верят, — Лю Юн залился смехом. — А может, и вправду верят.

Лин Цзыхань кивнул:

— Значит, все умны — и все притворяются.

— Думаю, да, — лицо Лю Юна озарила яркая улыбка, не тускневшая даже в скудном свете.

Лин Цзыхань улыбался, потягивая чай, и тихо сказал:

— Значит, сделка состоится.

Пока они перешучивались, внутрь с победоносным видом вошёл Чжоу Цимин. Увидев у них кружки, он огляделся, заметил на столе ещё одну, взял её, налил себе чаю и только тогда присел.

Лю Юн с усмешкой глянул на него:

— Ну что, мошенник, дело сделано?

Чжоу Цимин невозмутимо ответил:

— Конечно. Раз я взялся — быть по сему.

— Бессовестный, — поддразнил Лю Юн.

— Тогда ты не ешь, — парировал Чжоу Цимин. — Съешь хоть кусочек — тоже бессовестным станешь.

— Так и быть, — засмеялся Лю Юн. — Но тебе не спущу.

Они продолжили перебраниться в дружеском ключе, а Лин Цзыхань просто сидел и слушал.

Все офицеры «Дикого Волка» были на редкость сообразительны. Разве что Лу Шаохуа был

прямолинеен, остальные же — народ непростой. Лин Цзыхань пока не мог подобрать слов, чтобы вывести правду, не вызывая подозрений.

Вскоре внесли первое блюдо — дымящуюся жареную баранину на огромном блюде. Казашка поставила его на канг.

Чжоу Цимин и Лю Юн тут же позвали Лин Цзыханя:

— Заместитель Лин, давайте на канг.

Лин Цзыхань улыбнулся, взобрался на канг и уселся по-турецки. Глядя на крупные куски мяса, нанизанные на длинные шампуры, он сказал:

— Пахнет восхитительно. Жаль, мне нельзя.

Чжоу Цимин и Лю Юн переглянулись — явно хотели начать, но стеснялись.

Лин Цзыхань рассмеялся:

— Ешьте, не церемоньтесь.

Чжоу Цимин первым взял шампур и принялся есть.

— Синьцзянские бараны не комбикормом откормлены — пьют талую воду, едят траву, что ею полита. Поэтому мясо особое, без запаха.

Лин Цзыхань кивнул. Он знал — пробовал когда-то. Тогда он путешествовал с Вэй Тяньюем. Сидели на улице, ели баранину, запивали кислым молоком, смеялись... Но это было очень-очень давно.

Лин Цзыхань улыбался, медленно потягивая чай. Напиток был мягким, не раздражал желудок, и он пил его с удовольствием.

Чуть позже подали блюдо из обжаренных зелёных листьев.

Чжоу Цимин тут же обратился к Лин Цзыханю:

— Заместитель Лин, это для вас. Попробуйте — говорят, листья какого-то дерева, очень вкусно.

Лин Цзыхань улыбнулся, взял палочки и принялся есть.

Чжоу Цимин и Лю Юн уплетали баранину за обе щёки. Блюда сменяли одно другое, а их аппетит не ослабевал — они расправлялись с каждой порцией.

Затем подали несколько овощных блюд из горных трав — что именно, они и сами не знали. Лин Цзыхань ел, наслаждаясь свежим, хрустящим вкусом.

Пока Чжоу Цимин и Лю Юн увлечённо ели, Лин Цзыхань спокойно спросил:

— Скажите, я постоянно слышу о террористах, но ни разу не видел. Они и вправду такие страшные?

— Ещё бы, — не задумываясь, ответил Чжоу Цимин. — Заместитель Лин, если не видел — и не представишь. Большинство из них — отпетые негодяи, те, кого в своих странах закон прижал,

вот они и сбежали за границу, в террористические группы. На самом деле люди всех стран и народов их ненавидят, совсем не поддерживают.

— Верно, — серьёзно подхватил Лю Юн. — Подумайте: любой народ хочет жить хорошо. Будь у них еда да одежда — и довольны. Никто не хочет раскола. Политическая нестабильность, экономическая отсталость в странах Средней Азии — всё это они видят своими глазами. Кто захочет такой жизни?

— Да, — хладнокровно анализировал Чжоу Цимин. — Только горстка честолобцев использует политические лозунги, чтобы подстрекать других, — и всё ради собственных целей.

Лин Цзыхань медленно кивнул, но затем переспросил:

— Тогда почему же так много людей, особенно молодёжи, вступает в террористические организации? И почему они устраивают столько терактов, убивают столько людей — даже не только инородцев, но и своих же соплеменников?

<http://bllate.org/book/16287/1469020>